

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕЛО ТИМУРТАШ против ТУРЦИИ

(Заявление № 23531/94)

ПРИГОВОР

СТРАСБУРГ

13 июня 2000 г.

В деле Тимурташ против Турции,

Европейский суд по правам человека (первая секция), заседая как Палата, состоящая из:

Г-жа Е. ПАЛМ, Президент,

Г-жа В. ТОМАССЕН,

Мистер Л. ФЕРРАРИ БРАВО,

Мистер Дж. КАСАДЕВАЛЬ,

Мистер Б. ЗУПАНЧИЧ,

Мистер Р. МАРУСТЕ, судьи,

Мистер Ф. ГЁЛЬЧЮКЛЮ, судья *ad hoc* и г-н М. О'Бойл ,

Регистратор секции,

Заседая за закрытыми дверями 23 ноября 1999 г. и 23 мая 2000 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в последний день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд Европейской комиссией по правам человека («Комиссия»). 8 марта 1999 г., в трехмесячный срок, установленный бывшими статьями 32 § 1 и 47 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция»). Оно возникло из жалобы (№ 23531/94) против Турецкой Республики, поданной в Комиссию в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции гражданином Турции г-ном Мехметом Тимурташем 9 февраля 1994 г.

Запрос Комиссии относился к бывшим статьям 44 и 48, а также к декларации, согласно которой Турция признала обязательную юрисдикцию Суда (бывшая статья 46). Целью запроса было получение решения относительно того, свидетельствуют ли факты дела о нарушении государством-ответчиком своих обязательств по статьям 2, 3, 5, 13, 14 и 18 Конвенции и по бывшей статье 25 Конвенции. Конвенция.

2. 31 марта 1999 г. коллегия Большой Палаты постановила, в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции и пунктом 1 правила 100 и пунктом 6 Регламента Суда, что жалоба будет рассмотрена одним из Разделов. После этого он был передан в Первую секцию..

3. В состав Палаты, образованной в рамках этой Секции, вошли *ex officio* г-н Р. Тюрмен, судья, избранный от Турции (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 (а) правила 26), и г-жа Э. Палм, председатель секции (Регламент 12 и 26 § 1 (а)). Другими членами, назначенными последним для заполнения Палаты, были г-н Й. Касадеваль, г-н Л. Феррари Браво, г-н Б. Зупанчич, г-жа В. Томассен и г-н Р. Марусте.

4. Впоследствии г-н Тюрмен отказался от участия в заседании Палаты (Правило 28). Власти Турции (далее - «Правительство») соответственно назначили г-на Ф. Гёльчюкю в качестве судьи ad hoc (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29).

5. 6 июля 1999 г. Палата решила провести слушание.

6. В соответствии с Правилom 59 § 3 Председатель Палаты предложил сторонам представить меморандумы по вопросам, указанным в заявлении. Секретарь получил меморандумы властей Российской Федерации и заявителя 1 июля и 12 июля 1999 г. соответственно.

7. 10 июня 1999 г. председатель Палаты разрешил Центру правосудия и международного права (CEJIL), неправительственной правозащитной организации в Северной и Южной Америке, представить письменные комментарии, касающиеся судебной практики Межамериканского суда по правам человека. Права по вопросу о насильственных исчезновениях (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 61). Эти комментарии были получены 9 июля 1999 г.

8. В соответствии с решением Палаты слушания проходили публично во Дворце прав человека в Страсбурге 23 ноября 1999 г.

В суд предстали:

(a) для правительства	§.
АЛПАСЛАН, <i>Агент</i> , РС	М.
ГЮЛЬСЕН,	
Мистер Н. GÜNGÖR, Мистер	Ф.
ПОЛАТ, <i>Советники</i> ;	
(б) для заявителя	
РС Ф. ХЭМПСОН, Юрист	<i>Советник.</i>

Суд заслушал обращения г-жи Хэмпсон и г-на Алпаслана.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. Заявитель

9. Заявитель, г-н Мехмет Тимурташ, гражданин Турции, родился в 1928 году и в настоящее время проживает в Стамбуле. Во время событий, послуживших основанием для его обращения в Комиссию, он

проживал в Джизре на юго-востоке Турции. Его заявление в Комиссию было подано от его имени и от имени его сына Абдулвахапа Тимурташа, который, как он утверждает, исчез при обстоятельствах, влекущих за собой ответственность государства-ответчика.

Б. Факты

10. Факты исчезновения сына заявительницы оспариваются.

11. Факты, представленные заявителем, изложены в пунктах 15–21 ниже. В своем меморандуме Суду заявитель ссылался на факты, установленные Комиссией в ее отчете (бывшая статья 31 Конвенции).¹ принят 29 октября 1998 г., и его предыдущие представления Комиссии.

12. Факты, представленные властями Российской Федерации, изложены в пункте 22 ниже.

13. Описание материалов, представленных в Комиссию, можно найти в пунктах 23–29 ниже. Описание разбирательства в национальных властях в отношении исчезновения сына заявителя, установленного Комиссией, изложено в пунктах 30–38 ниже.

14. Комиссия, чтобы установить факты в свете спора об обстоятельствах предполагаемого исчезновения сына заявительницы, провела собственное расследование в соответствии с бывшей статьей 28 § 1 (а) Конвенции. С этой целью Комиссия изучила ряд документов, представленных заявителем и Правительством в поддержку их соответствующих утверждений, и назначила трех делегатов для сбора показаний свидетелей на слушаниях, проведенных в Анкаре 21 и 23 ноября 1996 года. оценка доказательств и ее выводы кратко изложены в пунктах 39–47 ниже.

1. Факты в изложении заявителя

15. 14 августа 1993 г. заявителю позвонил человек, который не назвал себя. Звонивший сказал, что сын заявительницы, Абдулвахап, был задержан в тот день недалеко от деревни Еникёй в районе Силопи, провинция Ширнак, солдатами центрального штаба жандармерии Силопи. Абдулвахап был задержан вместе с другом, который, как утверждается, был сирийцем, а также с мухтаром и сыном последнего на глазах у всех жителей деревни. Вскоре после этого мухтар был освобожден. Позже заявитель услышал, что Абдулвахапа и его друга водили по нескольким деревням, чтобы узнать, узнали ли их жители. Более того, в течение недели после задержания Абдулвахапа мухтары из окрестных деревень были вызваны в штаб жандармерии Силопи, чтобы узнать, узнают ли они этих двух мужчин.

1. Примечание реестра. Отчет можно получить в Реестре.

16. Заявитель беспокоился об Абдулвахапе, потому что другой сын, Тевфик, умер в заключении в Ширнаке в 1991 году. Заявитель предпринимал различные попытки получить новости о судьбе Абдулвахапа. Он подавал в Силопскую прокуратуру ходатайства, которые изначально не регистрировались. В штабе жандармерии Силопи ему сообщили, что его сын не находится под стражей. Когда он сфотографировал Абдулвахапа в штаб-квартиру жандармерии, командир Хусам Дурмуш сказал, что он не узнает Абдулвахапа, и посоветовал заявителю искать его сына в горах, тем самым предполагая, что Абдулвахап присоединился к Рабочей Рабочей партии. Партия Курдистана).

17. Заявитель также позвонил своему родственнику Бахаттину Актугу, который был мэром района Гючлюконак. Последний впоследствии сообщил заявителю, что он разговаривал с Садиком Эрдоганом и Ниметом Насом, двумя «духовниками»¹ из своего села, которые в то время содержались в Ширнаке. Они сказали Бахаттину Актугу, что Абдулвахап содержится в Ширнаке, что они делают все возможное, чтобы заботиться о нем, и что Абдулвахап отказывается давать показания.

18. Примерно через сорок пять дней заявитель отправился в Гючлюконак, чтобы увидеть Бахаттина Актуга. Находясь там, он также встретился с Садиком Эрдоганом и Ниметом Насом, которым был предоставлен 20-дневный отпуск из Ширнака. Они сказали заявителю, что, когда они покинули Ширнак, Абдулвахап был жив. Садик Эрдоган и Нимет Нас также рассказали заявителю, что они были с Абдулвахапом довольно долгое время и что они также видели сирийского друга, который был задержан одновременно с Абдулвахапом.

19. Пока заявитель находился в Гючлюконаке, Бахаттин Актуг разговаривал с тамошним капитаном жандармерии, который позвонил Ширнаку, чтобы получить информацию, но ему сказали, что Бахаттин Актуг должен прекратить задавать вопросы об Абдулвахапе. То же самое сообщение было передано, когда майор, которого Бахаттин Актуг знал в Игдыре, позвонил Ширнаку.

20. Заявитель снова пошел в прокуратуру Силопи и назвал Садыка Эрдогана и Нимета Наса своими свидетелями. Тогда его показания были приняты. Заявитель также неоднократно ходил в Ширнак, чтобы навести справки о своем сыне.

21. Весной 1995 года заявитель снова увидел Садыка Эрдогана. Последний сказал ему, что обратился в суд, где сказал, что видел Абдулвахапа в Ширнаке. На это его следователь очень рассердился, и он испугался. По этой причине во второй раз его спросили об

1. Лица, которые сотрудничают с властями после признания в причастности к РПК.

Абдулвахап, он сказал, что видел человека, который выглядел похожим, но он не знал, был ли это Абдулвахап.

2. Факты в изложении правительства

22. Правительство заявило, что, по собственному признанию заявителя, его сын Абдулвахап покинул семейный дом в Джизре двумя годами ранее, и с тех пор заявитель не получал вестей о своем сыне. В ходе предварительного расследования, проведенного прокурорами в Силопах и Ширнаке, были взяты показания лиц, названных заявителем в качестве свидетелей. Ни одно из этих утверждений не подтвердило утверждения заявителя о том, что Абдулвахап Тимурташ был задержан силами безопасности 14 августа 1993 г. и содержался под стражей в течение любого последующего периода времени.

С. Материалы, представленные заявителем и властями Российской Федерации в Комиссию в поддержку их соответствующих утверждений

23. В ходе разбирательства в Комиссии заявитель и Правительство представили заявления, сделанные заявителем Ассоциации прав человека в Диярбакыре и прокурору в Силопи. Согласно этому последнему показанию от 21 октября 1993 г. заявитель сообщил прокурору, что его сын Абдулвахап покинул свой дом двумя годами ранее и что он узнал от других людей, что его сын уехал в Сирию. Однако заявитель получил информацию о том, что его сын был задержан силами безопасности в Еникёе, и свидетелями этого могли быть мухтары Еникёя и Эсенли. Заявитель также слышал, что его сына видели в Ширнаке задержанные Нимет Нас и Садик Эрдоган.

24. Правительство также представило показания, полученные 26 января 1994 года прокурором от мухтаров деревень Еникёй и Эсенли. Оба заявили, что не знали и никогда не видели ни заявителя, ни сына заявителя, но в то время как мухтар Еникёй утверждал, что ничего не знает о двух лицах, задержанных возле его деревни, мухтар из Эсенли слышал, что кто-то был задержан. арестован около Еникёя примерно четыре-пять месяцев назад. В другом заявлении от 22 января 1997 г. этот мухтар также сказал, что за время его пребывания в должности пропали без вести два или три человека.

25. В двух заявлениях, датированных 5 мая и 28 декабря 1995 года соответственно, которые были сделаны прокурором, когда Нимет Нас отбывал тюремный срок в Диярбакыре, последний сказал, что он знал Абдулвахапа Тимурташа и что Абдулвахап был боевиком РПК, который отвечал за контакты с Сирией, но он не видел Абдулвахапа в заключении.

Садык Эрдоган также сделал два заявления властям. В первом, сделанном жандармами 15 августа 1995 г., он сказал, что не знает Абдулвахапа Тимурташа и что он даже не слышал об этом имени. Во втором заявлении, сделанном перед прокурором 2 апреля 1996 года, Садик Эрдоган сказал, что, хотя он никогда не встречался с Абдулвахапом Тимурташем, он знал его мать, которая упомянула имя своего сына. В этом заявлении Садык Эрдоган также сказал, что не знает, был ли задержан Абдулвахап.

26. 13 августа 1995 года Бахаттин Актуг был допрошен жандармами о «расследовании дела Абдулвахапа Тимурташа и информировании его отца Мехмета Тимурташа о задержании его сына». Бахаттин Актуг заявил, что не знал этих людей и никогда с ними не встречался. В последующем заявлении, сделанном перед прокурором 22 апреля 1996 года, Бахаттин Актуг повторил, что он не знал Абдулвахапа Тимурташа.

27. 7 и 8 марта 1996 г. девять жителей Еникёй и деревень, прикрепленных к Еникёю, были заданы жандармами вопросом о том, знают ли они человека по имени Абдулвахап Тимурташ, знают ли они, где он находится, и был ли он взят под стражу. Все свидетели заявили, что они не знали Абдулвахапа, что они никогда не слышали его имени и, следовательно, они не знали, был ли Абдулвахап задержан.

Сын мухтара Еникёя 11 марта 1996 г. сделал заявление перед прокурором, в котором он сказал, что не был знаком ни с заявителем, ни с сыновьями заявителя Мехметом и Абдуллой (sic).

28. На слушании перед делегатами Комиссии представители заявителя представили документ, который якобы является фотокопией протокола операции, составленного и подписанного Хюсамом Дурмушем, начальником штаба жандармерии Силопского района. В рапорте от 14 августа 1993 года со ссылкой на номер описывается, как в этот день Абдулвахап Тимурташ и мужчина сирийского гражданства были задержаны недалеко от деревни Еникёй. Первоначальный допрос задержанных установил, что они были лидерами секции Силопской низменности РПК. По словам представителей заявителя, этот документ был скопирован в 1993 году из оригинала отчета прокуратуры в Джизре, но впоследствии этот оригинал был удален из файлов.

По просьбе делегатов Комиссии власти провели поиск оригинала отчета, но безуспешно, что, по мнению властей Российской Федерации, поставило под сомнение подлинность отчета. Кроме того, исходный документ со ссылкой на номер на его фотокопии был засекречен и поэтому не мог быть предоставлен Комиссии.

29. Помимо вышеуказанных материалов, Комиссия также приняла во внимание копии журналов содержания под стражей, которые ей были предоставлены. Они касались штаба жандармерии Силопского района (записи за период с 10 марта по 19 декабря 1993 г.), штаба Силопской

полиции (31 июля - 2 декабря 1993 г.), центрального штаба жандармерии провинции Ширнак (23 сентября - 30 декабря 1993 г.) и допроса подразделения при штабе жандармерии провинции Ширнак (31 июля 1993-13 января 1994). Имя Абдулвахап Тимурташ не включено ни в одну из этих записей.

Правительство предоставило копии записей в журнале учета содержания под стражей вышеупомянутого отделения для допросов, которые показали, что Садик Эрдоган содержался там с 3 апреля 1993 года по 1 мая 1993 года, а Нимет Нас - с 16 июня 1992 года по 16 июля 1992 года. По словам властей, впоследствии он был переведен в тюрьму типа «Е» Диярбакыр. Комиссия просила Правительство предоставить копии соответствующих записей в записях этой тюрьмы, но они не были представлены.

D. Судебное разбирательство во внутренних органах власти

30. 15 октября 1993 г. заявитель подал ходатайство прокурору Силопи с просьбой предоставить информацию о судьбе его сына Абдулвахапа Тимурташа, который, как он слышал, был задержан 14 августа 1993 г. В тот же день прокурор направил ходатайство в Силопы. окружное управление жандармерии и управление полиции с сопроводительным письмом с просьбой рассмотреть вопрос. Письмом от 20 октября 1993 года Хусам Дурмуш, начальник штаба жандармерии Силопского района, сообщил прокурору Силопи, что Абдулвахап Тимурташ не задерживался его штабом и что имя Абдулвахапа не фигурирует в их записях.

31. 21 октября 1993 г. прокурор Силопи принял заявление от заявителя, в котором последний описал, как его сын Абдулвахап покинул семейный дом два года назад и что он узнал от других людей, что Абдулвахап уехал в Сирию. Однако согласно последней информации, полученной заявителем, Абдулвахап был задержан силами безопасности в Еникёй, а Садык Эрдоган и Нимет Нас видели в заключении в Ширнаке. Также 21 октября 1993 года прокуратура направила письма в штаб жандармерии Силопского района с просьбой обеспечить присутствие в прокуратуре мухтаров Еникёя и Эсенли для получения их показаний, а также в офис прокурора Ширнака о взятии показаний у Садыка Эрдогана и Нимет Наса. Прокуратура Ширнака была проинформирована штабом жандармерии провинции Ширнак 29 декабря 1993 г., что они не смогли выполнить просьбу о вызове Садыка Эрдогана и Нимета Наса, поскольку первый содержался в тюрьме Диярбакыр типа Е, а второй содержался под стражей. участвует в операциях в Гючлюконаке. 26 января 1994 г. мухтары Эсенли и Еникёй сделали заявления перед прокурором Силопи Ахметом Явюзом (см. Пункт 24 выше).

32. 10 марта 1994 г. прокурор Силопи Ахмет Явуз написал в прокуратуру г. Джизре, прося обеспечить, чтобы заявитель явился в прокуратуру г. Силопи. Этот запрос был передан в управление полиции Джизре, которое 28 марта 1994 г. ответило, что заявитель и его семья покинули Джизре и что их настоящее местонахождение неизвестно. 10 августа 1994 г. прокурор Силопи Седат Эрбаш снова обратился к прокурору Джизре с просьбой обеспечить явку заявителя в его офис в Силопи. В тот же день Седат Эрбаш также попросил прокурора Гючлюконака спросить Бахаттина Актуга, знал ли последний лично Абдулвахап Тимурташ и обращался ли к нему заявитель и обсуждал ли он судьбу сына заявителя.

33. 23 августа 1994 года прокурор Силопи Седат Эрбаш проинформировал своего коллегу из Ширнака о состоянии расследования, заявив, что, как явствует из его допросов, Абдулвахап Тимурташ не был задержан ни штабом жандармерии, ни полицейским управлением в районе. Ввиду того факта, что заявитель переехал из Джизре в неизвестный пункт назначения и что он не обращался в прокуратуру Силопи с 21 октября 1993 г., создалось впечатление, что Абдулвахап Тимурташ был найден. По этой причине заявитель был вызван 10 августа 1994 г. в Силопскую прокуратуру для закрытия дела.

34. В материалах дела также содержится серия писем, написанных в основном прокурорами Силопи и Эруха, направленных на обеспечение присутствия Бахаттина Актуга, Садыка Эрдогана и Нимета Наса для того, чтобы их показания были приняты.

35. 5 мая 1995 года Нимет Нас сделал показания прокурору Диярбакыра (см. Пункт 25 выше).

36. 13 июля 1995 г. прокурор Силопи Ахмет Явуз вынес решение о неподсудности и передал дело в прокуратуру Ширнака, поскольку предположительно там содержался сын заявительницы.

37. Озден Кардеш, прокурор Ширнака, начал свое расследование, потребовав 24 июля 1995 года в штаб-квартиру Ширнакской полиции и провинциальное центральное управление жандармерии проверить их записи за август 1993 года, чтобы узнать, был ли ими задержан Абдулвахап Тимурташ. Письмом от 9 августа 1995 г. начальник центрального штаба жандармерии провинции Ширнак ответил, что имя Абдулвахап Тимурташ не фигурирует в их записях.

13 и 15 августа 1995 г. показания были взяты у Бахаттина Актуга и Садыка Эрдогана соответственно офицером жандармерии (см. Параграфы 25 и 26 выше). 28 декабря 1995 г. Нимет Нас сделал заявление прокурору Диярбакыра (см. Пункт 25 выше).

26 февраля 1996 года другой прокурор Ширнака обратился в прокуратуру Силопи с просьбой допросить жителей деревень Еникёй, Гермик, Картик и Кутнис об их осведомленности об Абдулвахапе Тимурташе и о задержании, которому подвергся последний. Показания

были взяты у девяти жителей села 7 и 8 марта 1996 г. (см. Пункт 27 выше).

Садык Эрдоган сделал заявление прокурору Ширнака Оздену Кардешу 2 апреля 1996 г. (см. Пункт 25 выше). Прокурор Сиирта взял показания Бахаттина Актуга 22 апреля 1996 г. (см. Пункт 26 выше).

38. 3 июня 1996 г. прокурор Ширнака Озден Кардеш вынес решение невозбуждать уголовное дело. В решении перечисляются различные запросы, проведенные в ходе расследования, и дается краткое изложение полученных заявлений. Вывод о прекращении рассмотрения дела был сделан «ввиду абстрактного характера жалобы заявителя». Также был принят во внимание тот факт, что заявитель уехал в неизвестном направлении после подачи жалобы. Кроме того, вероятность того, что Абдулвахап Тимурташ был членом террористической организации РПК, подтверждается тем фактом, что он якобы руководил РПК в Сирии и разыскивался отделением по предотвращению терроризма. Ширнакский штаб полиции.

Е. Оценка доказательств Комиссией и ее выводы о фактах

39. Поскольку обстоятельства дела были оспорены, Комиссия провела расследование при содействии сторон и приняла документальные доказательства, включая письменные заявления и устные показания, взятые у шести человек. свидетели: заявитель; Бахаттин Актух; Азми Гюндоган, начальник штаба жандармерии Силопского района до 4 августа 1993 года; Хюсам Дурмуш, начальник штаба жандармерии Силопского района с 17 июля 1993 по 1995 год; Эрол Туна, начальник центрального штаба жандармерии провинции Ширнак в соответствующее время; и Седат Эрбаш, прокурор Силопи, с 4 июля 1994 года по октябрь 1996 года.

Были вызваны еще пять свидетелей, но они не явились: мухтары Еникёя и Эсенли; Озден Кардеш, прокурор Ширнака; Садик Эрдоган; и Нимет Нас. Правительство заявило, что мухтара Еникёя не видели в течение года и что он якобы был похищен РПК. После слушания Правительство представило заявление, взятое у мухтара Эсенли, который объяснил, что он не смог присутствовать на слушании из-за его преклонного возраста и недостаточных финансовых ресурсов. Озден Кардеш письмом проинформировал Комиссию о том, что ему нечего добавить к информации, содержащейся в досье, и что по этой причине он не считает себя обязанным присутствовать. Во время слушаний в Анкаре делегаты Комиссии были проинформированы о том, что Садик Эрдоган и Нимет Нас находятся в тюрьме в Диярбакыре.

Комиссия сделала вывод в своем отчете (в параграфе 267) о том, что государство-ответчик не выполнило своих обязательств в соответствии с бывшим пунктом 1 (а) статьи 28 Конвенции по предоставлению

Комиссии всех необходимых условий для выполнения ее задачи по установлению факты. Он ссылаясь на

(i) непредставление властями Российской Федерации копий записей в записях тюрьмы Е-типа в Диярбакыре, касающихся содержания в ней Садика Эрдогана и Нимет Наса (см. параграф 29 выше);

(ii) неспособность властей обеспечить явку свидетеля Оздена Кардеша.

40. Что касается устных доказательств, Комиссия осознавала трудности, связанные с оценкой доказательств, полученных устно через переводчиков. Поэтому он уделил особое внимание значению и значению, которые следует придавать заявлениям свидетелей, выступавших перед его делегатами.

В случае, когда имелись противоречивые и противоречивые фактические отчеты о событиях, Комиссия особенно выразила сожаление по поводу отсутствия тщательного национального судебного расследования. Он осознавал свои собственные ограничения как трибунал первой инстанции. Помимо упомянутой выше языковой проблемы, имело место также неизбежное отсутствие подробного и непосредственного ознакомления с условиями, преобладающими в регионе. Более того, Комиссия не имела полномочий требовать от свидетелей явки и дачи показаний. В настоящем деле, хотя для явки было вызвано одиннадцать свидетелей, только шесть, включая заявителя, дали показания. Поэтому перед Комиссией стояла трудная задача определения событий в отсутствие потенциально значимых доказательств.

Выводы Комиссии можно резюмировать следующим образом.

1. Предполагаемое задержание и задержание Абдулвахана Тимурташа

41. В своем анализе фотокопии отчета об операции, представленного представителями заявителя (см. Пункт 28 выше), Комиссия отметила, в первую очередь, что предполагаемый автор отчета, Хусам Дурмуш, заявил делегатам, что подпись на фотокопии выглядела как его. Кроме того, стиль и формат отчета соответствовали чистому отчету об операции, подготовленному Правительством. Поскольку из системы справочных номеров, используемой жандармерией, следовало, что, если представленная фотокопия была подделкой, должен был быть другой документ с тем же справочным номером, что и на фотокопии, это было возложено на Правительство в соответствии с бывшая статья 28 § 1 (а) Конвенции, для предъявления этого документа. Комиссия не согласилась с тем, что ей было отказано в доступе к этому документу по той причине, что он считался секретным. Наконец, Комиссию не убедил довод властей Российской Федерации о том, что отчет об операции, проведенной в Силопах, не мог быть отправлен в прокуратуру в Джизре

(где, по словам представителей заявителя, был найден оригинал, из которого фотокопия была сделана - см. пункт 28 выше). В этом отношении Комиссия приняла во внимание устные показания Хусам Дурмуша о том, что он сказал заявителю сообщить об исчезновении его сына властям Джизре, поскольку именно отсюда Абдулвахап был родом, и там можно было следовать процедурам. Кроме того,

Комиссия пришла к выводу, что представленный документ является фотокопией подлинного отчета об операции, из которого следует, что Абдулвахап Тимурташ был задержан 14 августа 1993 года.

42. Оценивая другие представленные материалы, Комиссия отметила, что некоторые аспекты версии заявителя были подтверждены свидетелями. Таким образом, Хусам Дурмуш признал перед делегатами, что заявитель принес ему фотографию своего сына, и он также подтвердил, что лиц, задержанных за преступления, связанные с РПК, можно показывать в деревнях или представлять мухтарам для идентификации. Комиссия, кроме того, сочла, что предполагаемая причастность Абдулвахапа Тимурташа к РПК, на которую ссылается Нимет Нас, а также прокурор Ширнака Озден Кардеш (см. Параграфы 25 и 38 выше), могла быть причиной его задержания.

Комиссия установила, что имеющиеся доказательства не позволяют сделать вывод о том, что Садик Эрдоган и Нимет Нас действительно содержались в тюрьме Е-типа Диярбакыр в то время, когда они, по словам заявителя, видел Абдулвахапа в заключении в Ширнаке. Он отметил в этом отношении, что Правительство не предоставило копии из соответствующих бухгалтерских книг (см. Пункт 29 выше).

Комиссия также сочла небезопасным полагаться на показания, сделанные Садиком Эрдоганом и Ниметом Насом национальным властям, в которых они отрицали, что видели сына заявителя под стражей. Перед делегатами заявитель рассказал о разговоре, который он имел с Садиком Эрдоганом, в ходе которого последний сообщил заявителю, что во время своей первой беседы с жандармами он подтвердил, что видел Абдулвахапа, но что это заявление было встречено недоверие и гнев. Садик Эрдоган сказал заявителю, что по этой причине он заявил в своем втором интервью, что не видел Абдулвахапа. Комиссия сочла важным то, что заявитель рассказал об этом разговоре в своих устных показаниях до записи Садыка Эрдогана. с заявления, представленные заявителю делегатами. В то время как в первом заявлении Садик Эрдоган сообщил, что он никогда не слышал об имени Абдулвахап Тимурташ, согласно второму заявлению, он был знаком с этим именем. Таким образом, эти заявления содержали поразительное противоречие, которое, по мнению Комиссии, не отражалось бы в двух правдивых заявлениях.

Комиссия также отдала предпочтение показаниям заявителя, устные показания которого в значительной степени соответствовали его

различным другим показаниям и которые были сочтены заслуживающими доверия и убедительными делегатами, показаниям Бахаттина Актуга. Согласно протоколу показаний Бахаттина Актуга от 13 августа 1995 г., он отрицал всякую осведомленность о заявителе и сыне заявителя, хотя было ясно, что он знал, по крайней мере, заявителя достаточно хорошо. Кроме того, перед делегатами Бахаттин Актуг не смог дать убедительное объяснение того, почему заявитель хотел бы причинить ему вред, как он сообщил жандармам в своем заявлении.

43. Показания, взятые у девяти жителей деревни и сына мухтара Еникёя, не могут служить доказательством того, что Абдулвахап Тимурташ не был задержан в соответствии с утверждениями, поскольку этих людей только спросили, знают ли они Абдулвахапа Тимурташа. Заявления мухтаров Еникёя и Эсенли противоречивы.

44. Наконец, Комиссия проверила копии журналов учета, которые ей были предоставлены. Он был обеспокоен количеством аномалий, которые в них были обнаружены, и отметил, что ранее у него были основания сомневаться в точности журналов содержания под стражей, представленных в других делах, связанных с событиями на юго-востоке Турции. В свете аномалий, обнаруженных в журналах регистрации по настоящему делу, Комиссия пришла к выводу, что на эти журналы нельзя полагаться, чтобы доказать, что Абдулвахап Тимурташ не содержался под стражей.

45. Учитывая, что не было представлено доказательств, опровергающих утверждения заявителя, но что некоторые из доказательств подтверждали его утверждения, и признав, что отчет об операции был подлинным, Комиссия повторно ответила. Он установил, что 14 августа 1993 года Абдулвахап Тимурташ был задержан около села Еникёй жандармами, прикрепленными к штабу жандармерии Силопского района, и заключен под стражу в Силопи. На определенном этапе после этого он был переведен в место содержания под стражей в Ширнаке, которое, вероятно, являлось следственным отделением в центральном штабе жандармерии провинции.

2. Предполагаемое жестокое обращение с Абдулвахапом Тимурташем в заключении

46. Комиссия сочла, что доказательной базы недостаточно, чтобы сделать вывод о том, что Абдулвахап Тимурташ подвергался пыткам или жестокому обращению во время содержания под стражей.

3. Расследование предполагаемого исчезновения Абдулвахапа Тимурташа.

47. Комиссия согласилась с тем, что заявитель начал связываться с различными органами власти, чтобы узнать новости о своем сыне в

течение недели после того, как он был проинформирован о задержании Абдулвахапа 14 августа 1993 года; тем не менее, первое задокументированное действие со стороны властей датировано только 15 октября 1993 г. Затем потребовалось много времени, прежде чем были получены показания свидетелей, названных заявителем. Значительное количество этих показаний имело ограниченную ценность, поскольку свидетелей просто спросили, знали ли они заявителя или его сына, а не знали ли они о задержании двух лиц, имена которых они могли не знать. В тех случаях, когда свидетель (мухтар Эсенли) действительно намекнул на то, что такой инцидент произошел, это не было отслежено и даже опровергнуто: в решении не возбуждать уголовного дела, Озден Кардеш написал, что мухтар Эсенли не знал об инциденте, связанном с задержанием. Более того, официальные расследования относительно того, мог ли Абдулвахап содержаться под стражей в изоляторах Ширнака, не проводились почти через два года после его предполагаемого задержания. Прокуратура, участвовавшая в расследовании, не проверила лично ни места содержания под стражей в различных управлениях жандармерии и полиции, ни соответствующие журналы содержания под стражей. Жандармерию Силопского района, предположительно ответственную за задержание сына заявителя, не спросили, проводили ли они какие-либо операции в соответствующее время и в соответствующем месте. Официальные расследования относительно того, мог ли Абдулвахап содержаться под стражей в изоляторе Ширнака, не проводились почти через два года после его предполагаемого задержания. Прокуратура, участвовавшая в расследовании, не проверила лично ни места содержания под стражей в различных управлениях жандармерии и полиции, ни соответствующие журналы содержания под стражей. Жандармерию Силопского района, предположительно ответственную за задержание сына заявителя, не спросили, проводили ли они какие-либо операции в соответствующее время и в соответствующем месте. Официальные расследования относительно того, мог ли Абдулвахап содержаться под стражей в изоляторе Ширнака, не проводились почти через два года после его предполагаемого задержания. Прокуратура, участвовавшая в расследовании, не проверила лично ни места содержания под стражей в различных управлениях жандармерии и полиции, ни соответствующие журналы содержания под стражей. Жандармерию Силопского района, предположительно ответственную за задержание сына заявителя, не спросили, проводили ли они какие-либо операции в соответствующее время и в соответствующем месте.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ВНУТРЕННИЙ ЗАКОН И ПРАКТИКА

48. Правительство не представило в меморандуме никаких подробностей о положениях национального законодательства, которые имеют отношение к обстоятельствам этого дела. Суд ссылается на обзор внутреннего законодательства, основанный на предыдущих материалах по другим делам, в частности к решению по делу Курт против Турции от 25 мая 1998 г. (Reports of Judgments and Decisions 1998-III, pp. 1169-70, §§ 56-62) и решение по делу Текин против Турции от 9 июня 1998 г. (Reports 1998-IV, pp. 1512-13, §§ 25-29).

A. Чрезвычайное положение

49. Примерно с 1985 года на юго-востоке Турции бушевали серьезные беспорядки между силами безопасности и членами Рабочей партии Курдистана. По данным правительства, это столкновение унесло жизни тысяч мирных жителей и сотрудников сил безопасности.

50. Два основных указа, касающихся юго-восточного региона, были приняты в соответствии с Законом о чрезвычайном положении (Закон № 2935 от 25 октября 1983 г.). Первое, Постановление № 285 (10 июля 1987 г.) установил региональное управление чрезвычайного положения в десяти из одиннадцати провинций на юго-востоке Турции. В соответствии со статьями 4 (b) и (d) указа все частные и общественные силы безопасности и Общественное командование защиты общественного порядка жандармерии находятся в распоряжении губернатора области.

51. Второй, Указ № 430 (16 декабря 1990 г.), усилены полномочия губернатора области, например, отдавать приказ о переводе из региона государственных должностных лиц и служащих, в том числе судей и прокуроров, и предусмотренных статьей 8:

«Никакая уголовная, финансовая или юридическая ответственность не может быть привлечена к губернатору региона чрезвычайного положения или губернатору провинции в регионе чрезвычайного положения в отношении их решений или действий, связанных с осуществлением полномочий, возложенных на них настоящим Указом, и с этой целью не должно подаваться никаких заявлений в судебные органы. Это не наносит ущерба правам людей требовать от государства возмещения ущерба, причиненного им безосновательно ».

B. Конституционные положения об административной ответственности

52. Пункты 1 и 7 статьи 125 Конституции Турции гласят:

«Все действия или решения властей подлежат судебному контролю ...

Власти несут ответственность за возмещение всего ущерба, причиненного их действиями или мерами ».

53. Это положение не подлежит никаким ограничениям даже в условиях чрезвычайного положения или войны. Последнее требование положения не обязательно требует доказательства наличия какой-либо вины со стороны администрации, ответственность которой носит абсолютный, объективный характер, основанный на теории «социального риска». Таким образом, администрация может возместить ущерб людям, пострадавшим в результате действий, совершенных неизвестными или террористическими авторами, когда можно сказать, что государство не выполнило свои обязанности по поддержанию общественного порядка и безопасности или свои обязанности по защите жизни и имущества людей.

54. Дело против администрации может быть подано в административный суд, который ведется в письменной форме.

С. Уголовное право и судопроизводство

55. Уголовный кодекс Турции квалифицирует это как уголовное преступление.

- незаконно лишать человека свободы (статья 179 в целом, статья 181 в отношении государственных служащих);
- издавать угрозы (статья 191);
- подвергать человека пыткам или жестокому обращению (статьи 243 и 245);
- совершить непреднамеренное убийство (статьи 452, 459), умышленное убийство (статья 448) и убийство (статья 450).

56. В отношении всех этих правонарушений в соответствии со статьями 151 и 153 Уголовно-процессуального кодекса жалобы могут подаваться в прокуратуру или в местные административные органы. Прокурор, который каким-либо образом проинформирован о ситуации, которая вызывает подозрение в совершении правонарушения, обязан расследовать факты, чтобы решить, возбуждать ли уголовное дело (статья 153). Жалобы могут подаваться в письменной или устной форме. Заявитель может обжаловать решение прокурора не возбуждать уголовное дело.

Д. Нормы гражданского права

57. Любое незаконное действие государственных служащих, будь то преступление или деликт, которое причиняет материальный или моральный ущерб, может быть предметом иска о компенсации в обычных гражданских судах. В соответствии со статьей 41 Обязательственно-правового кодекса потерпевшее может подать иск о

компенсации против предполагаемого правонарушителя, который причинил ущерб незаконным образом, намеренно, по неосторожности или по неосторожности. Материальный ущерб может быть возмещен гражданскими судами в соответствии со статьей 46 Обязательственно-правового кодекса, а моральный или моральный вред может быть возмещен в соответствии со статьей 47.

Е. Влияние Указа № 285

58. В случае предполагаемых террористических преступлений государственный обвинитель лишается юрисдикции в пользу отдельной системы прокуроров и судов национальной безопасности, созданной по всей Турции.

59. Прокурор также лишен юрисдикции в отношении преступлений, вменяемых сотрудникам сил безопасности в регионе чрезвычайного положения. Постановление № 285, пункт 1 статьи 4, предусматривает, что все силы безопасности, находящиеся под командованием губернатора области (см. Пункт 50 выше), должны подчиняться в отношении действий, совершенных при исполнении своих служебных обязанностей, Закону 1914 года о преследовании государственные служащие. Таким образом, любой прокурор, получивший жалобу на преступное деяние со стороны сотрудника сил безопасности, должен принять решение о неподсудности и передать дело в Административный совет. Эти советы состоят из государственных служащих под председательством губернатора. Решение Совета об отказе в возбуждении уголовного дела может быть автоматически обжаловано в Высшем административном суде. Как только решение о возбуждении уголовного дела принято,

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СУД

60. Заявитель просил Суд в своем меморандуме установить, что государство-ответчик нарушило статьи 2, 5, 13 и 18 Конвенции в связи с «исчезновением» его сына и что он сам стал жертвой нарушения статьи 3. Он также утверждал, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства в соответствии с бывшими статьями 25 и 28 § 1 (а). Он просил Суд присудить ему справедливую компенсацию в соответствии со статьей 41.

61. Власти, со своей стороны, утверждали в своем меморандуме, что жалобы заявителя не были подтверждены доказательствами. По их мнению, заявление было подано с целью дискредитации сил

безопасности, участвующих в борьбе с сепаратистским террористическим насилием.

ЗАКОН

I. ОБЪЕМ ДЕЛА

62. В своем обращении в Комиссию заявитель, среди прочего, утверждал о нарушении статьи 3 Конвенции в отношении его сына и статьи 14 в совокупности со статьями 2, 3 и 5. Заявитель не преследовал эти жалобы в разбирательство в Суде, который не видит оснований рассматривать их по собственной инициативе (см., *mutatis mutandis*, решение Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции от 30 января 1998 г., Reports 1998-I, p. 28, § 62). Таким образом, дело, рассматриваемое Европейским Судом, касается утверждений по статьям 2, 3 (в отношении заявителя), 5, 13, 18 и 34 Конвенции.

II. ОЦЕНКА ФАКТОВ СУДОМ

63. Суд повторяет свою устоявшуюся прецедентную практику, согласно которой в рамках системы Конвенции до 1 ноября 1998 г. установление и проверка фактов в первую очередь были делом Комиссии (бывшие пункты 1 и 31 статьи 28). Хотя Суд не связан установленными Комиссией фактами и остается свободным давать свою собственную оценку в свете всех материалов, находящихся в его распоряжении, только в исключительных обстоятельствах он будет осуществлять свои полномочия в этой области (см., Среди прочего, властями, решение по делу Акдивар и другие против Турции от 16 сентября 1996 г., Reports 1996-IV, p. 1214, § 78).

64. В настоящем деле Суд отмечает, что Комиссия пришла к выводу о фактах после того, как делегация заслушала доказательства в Анкаре (см. Пункты 14 и 39 выше). Он отмечает, что утверждения заявителя о задержании его сына вместе с мужчиной сирийской национальности около деревни Еникёй 14 августа 1993 г. находят подтверждение в документе, представленном от его имени представителям Комиссии (см. Пункт 28 выше). Поскольку Комиссии не было представлено никаких свидетельств очевидцев этого задержания или предполагаемого последующего задержания Абдулвахана Тимурташа, вопрос о том, является ли этот документ фотокопией подлинного отчета

об операции, имеет первостепенное значение для установления фактов и их оценки.

65. В то время как Комиссия пришла к выводу, что документ действительно является фотокопией подлинного протокола операции (см. Пункт 41 выше), Правительство оспорило этот вывод. В своем меморандуме они утверждали, что документ такого рода не мог быть найден в прокуратуре в Джизре, где, по словам заявителя, был найден оригинал, с которого была взята копия. Во-первых, протокол операции, представляющий собой документ, составленный исключительно для военных целей, не мог быть отправлен прокурору, и, во-вторых, в прокуратуре Джизре не было материалов о предполагаемом задержании Абдулвахана Тимурташа. Более того, любой документ, помещенный в дело прокурором, должен содержать не только упоминание «dosyasına» («в дело»),

Кроме того, подлинность документа не может быть установлена по фотокопии. Чтобы фотокопия имела какую-либо юридическую силу в Турции, она должна быть заверена как точная копия оригинала. Данный документ не имел такой сертификации. Кроме того, с фотокопированными документами можно было манипулировать электронным или химическим способом без обнаружения. Это было проиллюстрировано представителем правительства, который представил несколько копий документа во время слушания, в которое с использованием персонального компьютера, сканера и копировального аппарата он внес небольшие изменения, такие как перемещение рукописного примечания. «Dosyasına» снизу до середины документа, заменив имя задержанного сирийца своим собственным.

Наконец, реальный отчет со ссылочным номером, который появился на представленной фотокопии, был другим документом, который не мог быть представлен органам Конвенции, поскольку он содержал военную тайну.

66. Суд, как и Комиссия, считает, что фотокопированный документ должен быть подвергнут тщательной проверке, прежде чем он может быть признан подлинной копией оригинала, тем более что несомненно верно то, что современные технологические устройства могут быть использованы для подделки, или подделать документы. Тем не менее верно также и то, что средства, которыми располагала бывшая Комиссия для проведения проверки, способной обнаружить подделки, даже если предполагать, что это технически возможно, были ограничены.

Что еще более важно, Суд подчеркивает, что разбирательство в рамках Конвенции не во всех случаях поддается строгому применению принципа *affirmanti incumbit probatio* (тот, кто что-то утверждает, должен доказать это утверждение). Суд ранее постановил, что крайне важно для эффективного функционирования системы подачи

индивидуальных петиций, учрежденной в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции (теперь замененной статьей 34), чтобы государства предоставили все необходимые условия, чтобы сделать возможным надлежащее и эффективное рассмотрение заявлений (см., например, Танрыкулу против Турции [GC], № 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Это является неотъемлемой частью судебных разбирательств по делам подобного рода, когда индивидуальный заявитель обвиняет представителей государства в нарушении его прав, предусмотренных Конвенцией, что в определенных случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Непредставление государством-ответчиком такой информации, которая находится в его руках, без удовлетворительного объяснения может не только отрицательно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (бывшая статья 28 § 1 (а)), но может также привести к выводам об обоснованности обвинений. В этом отношении Суд повторяет, что поведение сторон может приниматься во внимание при получении доказательств (см. Решение по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г., Series A, № 25, стр. 64-65, стр. § 161). Непредставление государством-ответчиком такой информации, которая находится в его руках, без удовлетворительного объяснения может не только отрицательно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (бывшая статья 28 § 1 (а)), но может также привести к выводам об обоснованности обвинений. В этом отношении Суд повторяет, что поведение сторон может приниматься во внимание при получении доказательств (см. Решение по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г., Series A, № 25, стр. 64-65, стр. § 161). Непредставление государством-ответчиком такой информации, которая находится в его руках, без удовлетворительного объяснения может не только отрицательно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (бывшая статья 28 § 1 (а)), но может также привести к выводам об обоснованности обвинений. В этом отношении Суд повторяет, что поведение сторон может приниматься во внимание при получении

доказательств (см. Решение по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г., Series A, № 25, стр. 64-65, стр. § 161). Часть предоставления такой информации, которая находится в их руках, без удовлетворительного объяснения может не только отрицательно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком своих обязательств по статье 38 § 1 (а) Конвенции (бывшая статья 28 § 1 (а)), но может также привести к выводам об обоснованности обвинений. В этом отношении Суд повторяет, что поведение сторон может приниматься во внимание при получении доказательств (см. Решение по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г., Series A, № 25, стр. 64-65, стр. § 161).

67. Именно по вышеуказанным причинам Суд считает, что в конкретных обстоятельствах настоящего дела Правительство было на первой линии, чтобы помочь Комиссии по смыслу бывшего пункта 1 (а) статьи 28, предоставив доступ к документ, который они заявляют, является подлинным документом со ссылочным номером, который указан на фотокопии. Правительству недостаточно полагаться на якобы секретный характер этого документа, который, по мнению Суда, не помешал бы сделать его доступным для делегатов Комиссии, ни один из которых не является турецким (см. report), чтобы они могли приступить к простому сравнению двух документов, фактически не обращая внимания на их содержание. Следовательно,

68. Отмечая, кроме того, что при оценке фотокопии Комиссия также учла тот факт, что предполагаемый автор документа, Хюсам Дурмуш, признал, что подпись на документе была похожа на его, что стиль и формат документа соответствовали к стандартным операционным отчетам, и что было несколько причин, по которым этот документ мог быть найден в Джизре (см. параграфы 216 и 218 отчета Комиссии), Суд соглашается с выводом Комиссии, что этот документ действительно был фотокопией подлинный отчет о работе.

69. Суд считает, что Комиссия также подошла к своей задаче по оценке других доказательств с необходимой осторожностью, подробно изучив элементы, подтверждающие версию заявителя, и те, которые ставят под сомнение ее достоверность. Таким образом, он считает, что ему следует принять факты, установленные Комиссией.

70. Помимо трудностей, неизбежно возникающих при установлении фактов подобного рода, Комиссия не смогла получить определенные документальные доказательства и свидетельские показания, которые она считала необходимыми для выполнения своих функций. Комиссия пришла к выводу, что Правительство не предоставило конкретные протоколы содержания под стражей Садыка Эрдогана и Нимет Наса и что они не смогли обеспечить явку к делегатам государственного должностного лица, г-на Оздена Кардеша, государственного обвинителя (см. Пункт 39 выше). Суд посчитал в этом отношении, что

государство-ответчик не предоставило Комиссии все необходимые возможности для ее задачи по установлению фактов дела в значении бывшего пункта 1 (а) статьи 28 Конвенции.

71. Заявитель предложил Комиссии сделать аналогичный вывод в отношении того факта, что Хусам Дурмуш солгал делегатам под присягой, когда он (Хусам Дурмуш) заявил, что сын заявителя не был задержан. Хотя Комиссия квалифицировала поведение Хюсама Дурмуша как предосудительное, она установила, что оно не повлекло за собой невыполнение государством-ответчиком своих обязательств по бывшей статье 28 § 1 (а) (см. Параграф 268 отчета Комиссии).

72. Суд отмечает, что власти Российской Федерации не представили никаких объяснений в связи с упущениями в отношении документальных доказательств и явки свидетеля. Ссылаясь на важность сотрудничества государства-ответчика в судебных разбирательствах по Конвенции, как указано выше (параграф 66), Суд подтверждает вывод, сделанный Комиссией в ее отчете, о том, что в данном случае государство-ответчик не выполнило свои обязательства по бывшему пункту 1 статьи 28 Конвенции. (а) Конвенции предоставить Комиссии все необходимые средства для выполнения ее задачи по установлению фактов.

Суд, как и Комиссия, не может найти в обстоятельствах настоящего дела, что характер показаний Хусам Дурмуш поднимает вопрос в соответствии с бывшей статьей 28 § 1 (а).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

73. Заявитель утверждал, что его сын умер во время непризнанного задержания, и утверждал, что государство-ответчик должно нести ответственность за неспособность защитить право на жизнь его сына в нарушение статьи 2 Конвенции. Это положение предусматривает:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни, кроме как во исполнение приговора суда, признанного виновным в преступлении, за которое это наказание предусмотрено законом.

2. Лишение жизни не считается нарушением настоящей статьи, если оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

(а) для защиты любого лица от противоправного насилия;

(b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(с) в действиях, законно предпринятых с целью подавления бунта или восстания ».

А. Аргументы в Суде

1. Заявитель

74. Хотя заявитель признал, что молчание, связанное с судьбой его сына после задержания последнего, само по себе не является доказательством смерти Абдулвахапа вне разумных сомнений, он утверждал, что утверждение, что это отсутствие информации не свидетельствует о том, что Абдулвахап был мертв, равносильно вознаграждению. отсутствие каких-либо объяснений со стороны Правительства. Он утверждал, что следует учитывать не только конкретный контекст, в котором произошло исчезновение его сына, но и более широкий контекст большого числа таких исчезновений на юго-востоке Турции в 1993 году.

75. Заявитель также утверждал, что аналогичное применение аргументации Суда в делах *Tomasí v. France* (решение от 27 августа 1992 г., серия А, № 241-А) и *Ribitsch v. Austria* (решение от 4 декабря 1995 г., Series A no. 336) налагает позитивное обязательство на государство-ответчик отчитываться за кого-либо в месте содержания под стражей. В случае отсутствия или отсутствия правдоподобного объяснения того, почему задержанный не может быть доставлен живым и по прошествии определенного времени, соответствующее государство должно считаться нарушившим свое обязательство по статье 2 по защите права на жизнь задержанного.

76. Наконец, заявитель утверждал, что расследование, проведенное по факту исчезновения его сына, было настолько неадекватным, что представляло собой нарушение процессуальных обязательств государства по защите права на жизнь в соответствии со статьей 2.

2. Правительство

77. Правительство не рассматривало этот вопрос специально, кроме утверждения, что в ходе расследования на национальном уровне были собраны все доступные доказательства, и это не подтвердило утверждение заявителя о том, что его сын был задержан.

3. Комиссия

78. Большинство членов Комиссии посчитали, что действительно существует большая вероятность того, что Абдулвахап Тимурташ умер во время непризнанного задержания. Тем не менее, Суд постановил, что в отсутствие конкретных доказательств того, что Абдулвахап действительно потерял свою жизнь или получил известную травму или болезнь, эта вероятность была недостаточной для того, чтобы привести факты дела в сферу действия статьи 2.

4. ЦЕЖИЛЬ

79. В своих письменных комментариях СЕЖЛ (см. Пункт 7 выше) представил анализ судебной практики Межамериканской комиссии и Суда по правам человека в отношении насильственных исчезновений, в частности, в отношении права на жизнь.

80. Межамериканский суд неоднократно заявлял, что насильственные исчезновения часто связаны с нарушением права на жизнь.¹ В межамериканской системе нарушение права на жизнь в результате насильственного исчезновения может быть доказано двумя разными способами. Во-первых, можно установить, что факты данного дела согласуются с существующей схемой исчезновений, в которых жертва была убита. Во-вторых, факты отдельного случая насильственного исчезновения со смертельным исходом могут быть доказаны сами по себе, независимо от контекста официальной схемы исчезновений. Оба метода используются для установления государственного контроля над судьбой жертвы, что в совокупности с течением времени приводит к заключению о нарушении права на жизнь.

Б. Оценка Суда

1. Следует ли считать Абдулвахан Тимурташ умершим

81. Прежде всего Суд напоминает, что он согласился с установлением Комиссией фактов по этому делу, а именно, что Абдулвахан Тимурташ был задержан 14 августа 1993 г. жандармами, прикрепленными к штабу жандармерии Силопского района, и взят под стражу в Силопи, после чего он был переведен в следственный изолятор Ширнак. Прошло более шести с половиной лет без информации о его последующем местонахождении и судьбе. Возникает вопрос, следует ли, как утверждает заявитель, считаться властями государства-ответчика нарушившими свои обязательства по защите права его сына на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции.

82. Суд ранее постановил, что если лицо заключено под стражу в добром здравии, но при освобождении обнаруживается, что он получил телесные повреждения, государство обязано предоставить правдоподобное объяснение того, как эти травмы были причинены, в противном случае возникает проблема. возникает в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. цитируемое выше решение по делу Томази, стр. 40-41, §§ 108-111; упомянутое выше решение по делу Рибитч, стр.

1. Дело Веласкеса Родригеса, решение от 29 июля 1988 г., Series C no. 4, § 157; Дело Годинеса Круса, решение от 20 января 1989 г., Series C no. 5, § 165; Дело Блейка, решение от 24 января 1998 г., § 66; Дело Фэйрена Гарби и Солиса Корралеса, решение от 15 марта 1989 г., Series C no. 6, § 150.

25-26, § 34; и Селмуни против Франции [GC], № 25803/94, § 87, ECHR 1999-V). В том же ключе статья 5 налагает на государство обязательство учитывать местонахождение любого лица, взятого под стражу и, таким образом, поставленного под контроль властей (см. Цитируемое выше решение по делу Курта, с. 1185, п. 124). Был ли отказ властей предоставить правдоподобное объяснение судьбе задержанного, 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV, и Ertak v. 20764/92, § 131, ECHR 2000-V). 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV, и Ertak v. 20764/92, § 131, ECHR 2000-V).

83. В этом отношении период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу, хотя и не является решающим сам по себе, является важным фактором, который следует принимать во внимание. Следует признать, что чем больше времени проходит без каких-либо новостей о задержанном, тем больше вероятность того, что он или она умер. Таким образом, течение времени может в некоторой степени повлиять на значение, которое следует придавать другим элементам косвенных доказательств, прежде чем можно будет сделать вывод о том, что соответствующее лицо должно считаться умершим. В этом отношении Суд считает, что данная ситуация порождает вопросы, выходящие за рамки простого незаконного задержания в нарушение статьи 5. Такое толкование соответствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренной статьей 2, которая квалифицируется как одно из основополагающих положений Конвенции (см.,

84. Обращаясь к конкретным обстоятельствам дела, Суд отмечает, что, по словам заявителя, которого делегаты Комиссии сочли надежным и последовательным, он первоначально мог получить некоторые новости о своем сыне через своего родственника Бахаттина Актуга. Однако примерно через сорок пять дней после задержания Абдулвахапа Бахаттину Актугу было приказано прекратить дознание (см. Пункт 19 выше). Официальные запросы заявителя были встречены отрицанием, и из того факта, что протокол операции не мог быть составлен из файлов, можно заключить, что возникла необходимость скрыть задержание и задержание Абдулвахапа Тимурташа.

85. Существует также ряд элементов, отличающих настоящее дело от дела Курта, в котором Суд постановил, что не было достаточных убедительных доказательств того, что сын заявителя умер во время содержания под стражей (loc. Cit., P. 1182, § 108). Во-первых, с момента задержания и задержания Абдулвахапа Тимурташа прошло шесть с половиной лет - период, значительно превышающий четыре с половиной года между задержанием сына заявителя и вынесением Судом решения по делу Курта. Кроме того, хотя Узеира Курта в последний раз видели в окружении солдат в своей деревне, в настоящем деле было установлено, что Абдулвахап Тимурташ был доставлен в место содержания под стражей - сначала в Силопи, затем в Ширнаке -

властями, за которые несет ответственность государство. . Ну наконец то, в материалах дела Курта было мало элементов, позволяющих идентифицировать Узеира Курта как человека, находящегося под подозрением властей, тогда как факты настоящего дела не оставляют сомнений в том, что Абдулвахап Тимурташ разыскивался властями за свою предполагаемую деятельность РПК (см. пункт 38 выше) . В общем контексте ситуации на юго-востоке Турции в 1993 году ни в коем случае нельзя исключать, что непризнанное задержание такого человека было бы опасным для жизни. Следует напомнить, что в двух недавних постановлениях Суд постановил, что недостатки, подрывающие эффективность уголовно-правовой защиты в юго-восточном регионе в период, имеющий отношение также к этому делу, допускали или способствовали отсутствию ответственности сотрудников сил безопасности за их иски (см. Килич против Турции, № 22492/93, § 75, и Махмут Кая против Турции, № 22535/93, § 98,

86. По вышеуказанным причинам Суд удовлетворен тем, что Абдулвахап Тимурташ следует считать умершим после непризнанного задержания силами безопасности. Следовательно, ответственность за его смерть возлагается на государство-ответчик. Отмечая, что власти не предоставили никаких объяснений относительно того, что произошло после задержания Абдулвахапа Тимурташа, и что они не полагаются на какие-либо основания в отношении любого применения смертоносной силы их агентами, следует, что ответственность за его смерть возлагается на государство-ответчик (см. акісі, loc. cit., § 87). Соответственно, в этом отношении имело место нарушение статьи 2.

2. Предполагаемая неадекватность расследования

87. Суд повторяет, что обязательство защищать жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции в совокупности с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под [своей] юрисдикцией, права и свободы, определенные в [Конвенции] ”, Подразумевает, что должна существовать какая-либо форма эффективного официального расследования, когда люди были убиты в результате применения силы (см., С соответствующими изменениями, решение по делу Макканн и другие против Соединенного Королевства от 27 сентября 1995 г., Series A № 324, p. 49, § 161, и решение по делу Кауа v. Turkey от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, p. 329, § 105).

88. Власти Российской Федерации утверждали, что были собраны все доступные доказательства и что они не подтверждали утверждения заявителя, а скорее указывали на возможность того, что Абдулвахап Тимурташ находился либо в Сирии, либо в рядах РПК, Комиссия в своем отчете проанализировала расследование. как медлительный, поверхностный, поверхностный и не представляющий серьезной

попытки выяснить, что случилось с сыном заявителя (пункт 264 отчета Комиссии). Выводы Комиссии кратко изложены в пункте 47 выше.

89. Суд не видит причин оценивать расследование иначе, чем Комиссия. Он отмечает время, которое потребовалось до начала официального расследования и получения показаний свидетелей, неадекватные вопросы, заданные свидетелям, и то, как соответствующая информация игнорировалась и впоследствии отклонялась следственными органами. Суд особенно поражен тем фактом, что только через два года после задержания сына заявителя под стражей были проведены запросы к жандармам в Ширнаке. Однако не оспаривается, что заявитель уведомил власти задолго до этого об информации, полученной им через Бахаттина Актуга, о том, что его сын был переведен в Ширнак и его видели там Садик Эрдоган и Нимет Нас. Кроме того,

Вялость, проявленная следственными органами, со всей очевидностью подтверждает важность незамедлительного судебного вмешательства, требуемого пунктами 3 и 4 статьи 5 Конвенции, которое, как Суд подчеркнул в деле Курта, может привести к обнаружению и предотвращению жизни: угрожающие меры в нарушение основных гарантий, содержащихся в статье 2 (loc. cit., p. 1185, § 123).

90. В свете вышеизложенного Суд считает, что расследование исчезновения сына заявителя было неадекватным и, следовательно, нарушало процессуальные обязательства государства по защите права на жизнь. Соответственно, в этом отношении также имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

91. Заявитель жаловался, что исчезновение его сына представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в нарушение статьи 3 Конвенции по отношению к нему. Статья 3 гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

92. Заявитель утверждал, что, будучи отцом исчезнувшего Абдулвахана Тимурташа, он страдал от серьезных душевных страданий и душевных страданий в результате того, как власти отреагировали и отнеслись к нему в связи с его запросами.

93. На слушании Правительство поинтересовалось, как неопределенность, в которой жил заявитель, могла быть приравнена к бесчеловечному обращению, учитывая, что, по собственному признанию заявителя, его сын уехал из семейного дома в Сирию за два

года до предполагаемого исчезновения и в течение этого времени. он не получил от него вестей.

94. Большинство членов Комиссии сочли, что неуверенность, сомнения и опасения, которые испытывал заявитель в течение длительного и продолжающегося периода времени, вызвали у него серьезные душевные страдания и страдания. Принимая во внимание вывод о том, что за исчезновение сына заявителя вменяли власти, Комиссия установила, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению по смыслу статьи 3.

95. В деле Чакиджи Суд постановил, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданиям заявителя измерение и характер, отличные от эмоциональное потрясение, которое может рассматриваться как неизбежное для родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие элементы будут включать близость семейных уз - в этом контексте определенное значение будет иметь связь родитель-ребенок -, конкретные обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий, причастность члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем человеке и о том, как власти ответили на эти запросы. В Чакиджи, Суд также подчеркнул, что суть такого нарушения заключается не столько в факте «исчезновения» члена семьи, сколько в реакции и отношении властей к ситуации, когда она доводится до их сведения. Особенно в отношении последнего, что родственник может прямо заявить, что стал жертвой поведения властей (loc. Cit., § 98).

96. В настоящем деле заявитель является отцом исчезнувшего лица. Из резюме устных показаний заявителя делегатам, содержащихся в отчете Комиссии (параграф 128), а также из его показаний прокурору Силопи от 21 октября 1993 года (см. Параграф 23 выше), его сын покинул семейный дом в Джизре примерно за два года до задержания, и за это время заявитель не получил от него никаких известий. Однако Суд считает, что этот элемент никоим образом не мешал заявителю испытывать серьезную обеспокоенность после получения известия о задержании его сына. Это подтверждается многочисленными расследованиями, которые он затем провел, чтобы выяснить, что случилось с его сыном. Суд также не сомневается в том, что заявитель «

97. В этом отношении Суд отмечает, что расследование утверждений заявителя не только не было оперативным и эффективным, некоторые сотрудники сил безопасности также проявили бессердечное пренебрежение к озабоченностям заявителя, отрицая это в лицо заявителю и вопреки истине. , что его сын взят под стражу. В случае Хюсама Дурмуша, автора отчета об операции, это даже

распространялось на разрешение заявителю представить фотографию своего сына только для того, чтобы убедиться, что он никогда не видел человека на этой фотографии (см. Параграфы 16 и 42 выше).

98. Отмечая, наконец, что тревога заявителя за судьбу своего сына продолжается и по сей день, Суд считает, что исчезновение его сына равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, противоречащему статье 3 Конвенции по отношению к заявителю.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

99. Заявитель утверждал, что исчезновение его сына повлекло за собой множественные нарушения статьи 5 Конвенции, соответствующие части которой гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное задержание лица после осуждения компетентным судом;

(b) законный арест или задержание лица за невыполнение законного постановления суда или с целью обеспечить выполнение любого обязательства, предписанного законом;

(с) законный арест или задержание лица, произведенное с целью доставки его к компетентному юридическому органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда это разумно считается необходимым для предотвращения его совершения преступления или бегства после совершения этого преступления. ;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый арестованный или задержанный в соответствии с положениями пункта 1 (с) настоящей статьи должен быть незамедлительно доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. в ожидании судебного разбирательства. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право на судебное разбирательство, в ходе которого суд незамедлительно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание является незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию, имеющую исковую силу ».

100. Заявитель утверждал, что это положение было нарушено в связи с тем, что задержание его сына не было зарегистрировано и не было проведено быстрое или эффективное расследование его утверждений. Поскольку власти отрицали, что Абдулвахап Тимурташ был взят под стражу, и поскольку это задержание не было зарегистрировано, автоматически следовало, что не будет эффективного судебного контроля за законностью задержания и не будет обеспечено искомое право на компенсацию.

101. Правительство повторило, что никаких вопросов по статье 5 не может возникнуть, поскольку расследование, проведенное национальными властями, ясно показало, что сын заявителя не задерживался.

102. По мнению Комиссии, ответственность государства-ответчика возникла из-за того факта, что Правительство не предоставило удовлетворительного объяснения исчезновения сына заявителя, а также из-за того, что не было проведено эффективное расследование утверждений заявителя. Комиссия пришла к выводу, что сын заявителя был произвольно лишен свободы в нарушение статьи 5 и игнорирование гарантий этого положения, касающихся юридического обоснования такого лишения и необходимого судебного контроля. Впоследствии неточные записи о заключении под стражу и неправильный процесс расследования привели к «исчезновению» Абдулвахапа Тимурташа. Комиссия сочла, что имело место особенно серьезное нарушение статьи 5.

103. Прежде всего Суд сослался бы на свою аргументацию по делу Курта и Чакеджи, где он подчеркнул фундаментальную важность гарантий, содержащихся в статье 5, для обеспечения права людей в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию со стороны органы власти. Он повторил в этой связи, что любое лишение свободы должно быть не только осуществлено в соответствии с материально-правовыми и процессуальными нормами национального законодательства, но также должно соответствовать самой цели статьи 5, а именно защите человека от произвольного задержания. Чтобы свести к минимуму риски произвольного задержания, Статья 5 обеспечивает свод материальных прав, направленных на обеспечение того, чтобы акт лишения свободы подлежал независимому судебному расследованию, и обеспечивает ответственность властей за эту меру. Непризнанное задержание лица является полным отрицанием этих гарантий и свидетельствует о самом серьезном нарушении статьи 5. Принимая во внимание ответственность властей по привлечению к ответственности лиц, находящихся под их контролем, статья 5 требует от них принятия эффективных мер для защиты от риск исчезновения и провести быстрое и эффективное расследование спорного утверждения о том, что лицо было заключено

под стражу и с тех пор его никто не видел (см. цитируемое выше постановление по делу Курта, стр. 1184-86, § 122-25, и Akıcı, loc. Cit., § 104).

104. Суд отмечает, что его доводы и выводы в отношении статьи 2 выше не оставляют сомнений в том, что задержание Абдулвахапа Тимурташа было нарушением статьи 5. Таким образом, следует напомнить, что он был задержан 14 августа 1993 г. жандармами при штабе жандармерии Силопского района. и взят под стражу в Силопи, после чего был переведен в место содержания под стражей в Ширнаке. Власти не представили убедительных объяснений местонахождения и судьбы сына заявительницы. Расследование утверждений заявителя, проведенное национальными властями, не было ни быстрым, ни эффективным.

105. Что касается этого последнего элемента, Суд отмечает, что одной из критических замечаний в адрес процесса расследования было то, что соответствующие прокуроры не проверили лично соответствующие журналы учета. Хотя это действительно могло бы показаться логическим шагом в расследовании подобного рода, тем не менее ясно, что оно было бы бесплодным в данном случае, поскольку задержание Абдулвахапа Тимурташа не было зафиксировано, кроме как в отчете об операции, существовании в чем было официально отказано. Это иллюстрация того серьезного недостатка, который представляет собой отсутствие записей, поскольку оно позволяет лицам, ответственным за акт лишения свободы, избежать ответственности за судьбу задержанного (см. Цитируемое выше решение по делу Курта, стр. 1185, § 125).

Этот недостаток еще более усугубляется выводами Комиссии относительно общей ненадежности и неточности отчетов, представленных ей властями Российской Федерации (см. Пункт 44 выше).

106. Соответственно, Суд заключает, что Абдулвахап Тимурташ содержался под непризнанным задержанием при полном отсутствии гарантий, содержащихся в статье 5, и что имело место особенно серьезное нарушение права на свободу и личную безопасность, гарантированного этим положением.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

107. Заявитель утверждал, что ему было отказано в доступе к эффективным внутренним средствам правовой защиты, и утверждал о нарушении статьи 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты в национальном органе, даже если нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

108. Заявитель утверждал, что имел место заговор с целью скрыть от него факт задержания его сына. Расследование, которое в конечном итоге было проведено по его утверждениям, было поверхностным и не смогло раскрыть правду.

109. Правительство подтвердило, что были проведены все необходимые расследования и все свидетели, названные заявителем, допрошены, но имеющиеся доказательства не подтвердили утверждения заявителя.

110. Ссылаясь на свои выводы о том, что расследование по настоящему делу было медленным, поверхностным и поверхностным, Комиссия не была убеждена в том, что проблемы заявителя получили достаточно серьезное внимание со стороны властей. Соответственно, Суд постановил, что имело место нарушение статьи 13.

111. Суд повторяет, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, статья 13 требует предоставления внутренних средств правовой защиты для рассмотрения существа «аргументированной жалобы» в соответствии с Конвенцией и предоставления соответствующей судебной защиты, хотя Договаривающимся государствам предоставляется определенная свобода действий в отношении того, каким образом они соблюдают свои обязательства по Конвенции. в соответствии с этим положением. Объем обязательств по статье 13 также варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее, средство правовой защиты, требуемое статьей 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и по закону.

Суд также ранее постановил, что если родственники лица имеют аргументированное заявление о том, что последнее исчезло от рук властей, или когда на карту поставлено право, имеющее столь же фундаментальное значение, как право на жизнь, статья 13 требует в дополнение к выплате компенсации, где это уместно, тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных, включая эффективный доступ родственников к процедуре расследования (см. цитируемое выше постановление по делу Курта, стр. 1189, стр. § 140 и решение по делу Яша против Турции от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-VI, p. 2442, § 114).

112. Обращаясь к фактам дела, Суд считает, что не может быть никаких сомнений в том, что заявитель имел обоснованную жалобу на то, что его сын был взят под стражу. Заявитель обратился к властям с конкретной информацией о том, где, когда и с кем предположительно был задержан его сын, после чего он назвал имена лиц, которые видели его сына во время содержания под стражей. Кроме того, ввиду того

факта, что Суд установил, что национальные власти не выполнили свое обязательство по защите жизни сына заявителя, заявитель имел право на эффективное средство правовой защиты в значении, изложенном в предыдущем абзаце.

113. Соответственно, власти были обязаны провести эффективное расследование исчезновения сына заявительницы. Принимая во внимание пункт 89 выше, Суд считает, что государство-ответчик не выполнило это обязательство.

Следовательно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ПРАКТИКА ВЛАСТЕЙ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 5 И 13 КОНВЕНЦИИ

114. Заявитель утверждал, что практика «исчезновений» существовала на юго-востоке Турции в 1993 году, а также официально допустимая практика нарушения статьи 13 Конвенции, которая усугубляла нарушения, жертвами которых стали он и его сын. Ссылаясь на другие дела, касающиеся событий на юго-востоке Турции, в которых Комиссия и Суд также обнаружили нарушения этих положений, заявитель утверждал, что они выявили закономерность отрицания властями утверждений о серьезных нарушениях прав человека, а также отказ в средствах правовой защиты.

115. Суд считает, что объем исследования доказательств, проведенного по этому делу, и материалов дела недостаточны для того, чтобы определить, являются ли недостатки, выявленные в этом деле, частью практики, принятой властями.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

116. Заявитель утверждал, что государство-ответчик допустило развитие практики «исчезновений», которая подрывает действие его законов, и что оно не приняло никаких эффективных мер, чтобы положить этому конец. По словам заявителя, несоблюдение властями требований собственного законодательства является нарушением принципа добросовестности, закрепленного в статье 18 Конвенции, которая гласит:

«Ограничения, разрешенные настоящей Конвенцией в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться ни для каких целей, кроме тех, для которых они были установлены».

117. Правительство не рассматривало этот вопрос, в то время как Комиссия установила, что нарушения статьи 18 не было.

118. Принимая во внимание изложенные выше выводы, Суд не считает необходимым рассматривать данную жалобу отдельно.

IX. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

119. Наконец, заявитель утверждал, что принесение присяги свидетелем властей представителям Комиссии представляет собой вмешательство в осуществление его права на подачу индивидуальной жалобы, изложенного после вступления в силу Протокола N 11 к Статье 34 Закона. Конвенция, которая предусматривает:

«Суд может принимать заявления от любого лица, неправительственной организации или группы лиц, утверждающих, что они стали жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон прав, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права ».

120. В поддержку своего аргумента заявитель утверждал, что поведение жандармов в Силопах и Ширнаке, как показывает пример Хюсама Дурмуша, было рассчитано на нарушение эффективного действия права на подачу индивидуальной жалобы. Если бы не случайное обнаружение документа, он не смог бы доказать утверждения в своем заявлении вне разумных сомнений.

121. Правительство опровергло это утверждение, заявив, что Хусам Дурмуш сказал правду.

122. Комиссия не сочла установленным, что поведение соответствующих жандармов, каким бы предосудительным оно ни было, как таковое препятствовало заявителю в осуществлении его права на подачу индивидуальной жалобы.

123. Суд не считает, что в обстоятельствах настоящего дела поведение властей или, более конкретно, Хюсама Дурмуша, представляло собой неисполнение государством-ответчиком обязательства по статье 34 в штрафах.

ИКС. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

124. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право соответствующей Высокой Договаривающейся Стороны допускает только частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшая сторона ».

A. Моральный вред

125. С учетом серьезности и количества нарушений заявитель потребовал 40 000 фунтов стерлингов в отношении своего сына и 10 000 фунтов стерлингов в отношении себя в качестве компенсации морального вреда.

126. Правительство утверждало, что эти суммы были завышены и приведут к неосновательному обогащению.

127. Что касается требования о компенсации морального вреда сыну заявителя, Суд отмечает, что компенсация ранее была выплачена оставшимся в живых супругам и детям и, где это уместно, заявителям, которые были выжившими родителями или братьями и сестрами. Он присудил суммы в отношении умершего только в том случае, если было установлено, что до исчезновения или смерти этого человека имело место произвольное задержание или пытки, такие суммы должны быть удержаны для наследников этого человека (см. Цитируемое выше решение по делу Курта, стр. 1195, § § 174–75 и *akıcı, loc. cit.*, § 130). Суд отмечает, что были установлены нарушения статей 2, 5 и 13 в отношении непризнанного задержания и неспособности защитить жизнь Абдулвахана Тимурташа, и считает, что компенсация должна быть присуждена в его пользу. Он присуждает сумму в 20 000 фунтов стерлингов,

128. Что касается заявителя, Суд установил нарушение статьи 3 в его собственном отношении из-за поведения властей в связи с его поиском местонахождения и судьбы его сына. Суд считает, что присуждение компенсации также оправдано в его пользу. Соответственно, он присуждает заявителю 10 000 фунтов стерлингов.

Б. Издержки и расходы

129. Заявитель потребовал в общей сложности 29 041,28 фунтов стерлингов в качестве компенсации гонораров и расходов, понесенных при подаче заявления, за вычетом сумм, полученных в рамках юридической помощи Совета Европы. Сюда входят гонорары и расходы, понесенные в связи с участием в сборе доказательств перед делегатами Комиссии на слушании в Анкаре и участием в слушании в Суде в Страсбурге. Сумма в 5 165 фунтов стерлингов указана в качестве гонораров и административных расходов, понесенных в отношении Курдского проекта по правам человека в его роли связующего звена между командой юристов в Соединенном Королевстве, юристами и заявителем в Турции, а также сумма в фунтах стерлингов. 4020 в отношении работы юристов в Турции.

130. Правительство сочло гонорары профессионалам завышенными и необоснованными и заявило, что следует учитывать применимые ставки Коллегии адвокатов в Стамбуле.

131. Что касается требования о возмещении расходов, Суд, принимая решение на справедливой основе и принимая во внимание детали требований, представленных заявителем, присуждает ему сумму в 20 000 фунтов стерлингов вместе с любым налогом на добавленную стоимость, который может взиматься, за вычетом 10 245,06

французских франков, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, такая сумма должна быть переведена на счет заявителя в фунтах стерлингов в Соединенном Королевстве, как указано в его иске о справедливой компенсации.

С. Проценты за просрочку платежа

132. Согласно имеющейся у Суда информации, установленная законом процентная ставка, применяемая в Соединенном Королевстве на дату принятия настоящего решения, составляет 7,5% годовых.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Держит* шестью голосами против одного, что государство-ответчик несет ответственность за смерть Абдулвахапа Тимурташа в нарушение статьи 2 Конвенции;
2. *Держит* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование обстоятельств исчезновения Абдулвахапа Тимурташа;
3. *Держит* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителя;
4. *Держит* единогласно, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции;
5. *Держит* шестью голосами против одного - что имело место нарушение статьи 13 Конвенции;
6. *Держит* единогласно, что нет необходимости принимать решение по жалобе заявителя в соответствии со статьей 18 Конвенции;
7. *Держит* единогласно, что государство-ответчик не нарушило свои обязательства по статье 34 в штрафах Конвенции;
8. *Держит* единогласно, что государство-ответчик должно выплатить заявителю в отношении его сына в течение трех месяцев в качестве компенсации морального вреда 20 000 фунтов стерлингов (двадцать тысяч фунтов стерлингов), которые должны быть конвертированы в турецкие лиры по курсу, применимому к дате урегулирования,

сумма которой должна принадлежать заявителю наследникам своего сына;

9. *Держит* шестью голосами против одного, что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев в отношении компенсации морального вреда 10 000 фунтов стерлингов (десять тысяч фунтов стерлингов), которые должны быть конвертированы в турецкие лиры по курсу, действующему на дату поселения;
10. *Держит* шестью голосами против одного, что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев на банковский счет последнего в Соединенном Королевстве 20 000 фунтов стерлингов (двадцать тысяч фунтов стерлингов) вместе с любой добавленной стоимостью налог, который может взиматься, за вычетом 10 245,06 французских франков (десять тысяч двести сорок пять французских франков шесть сантимов), который должен быть конвертирован в фунты стерлингов по курсу, действовавшему на дату вынесения настоящего судебного решения;
11. *Держит* единогласно, что простые проценты по годовой ставке 7,5% должны выплачиваться на эти суммы с истечения вышеупомянутых трех месяцев до момента выплаты;
12. *Отклоняет* единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 13 июня 2000 г. в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Майкл О'Бойл
Регистратор

Элизабет П.МИЛОСТЫНЯ
Президент

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается частично особое мнение г-на Гельчюкю.

EP
M.O'B.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЁЛЬЧЮКЛЮ

(Перевод)

1. К моему большому сожалению, я не могу разделить мнение большинства членов Суда, в частности, о нарушении статьи 2 на том основании, что «... Суд удовлетворен тем, что Абдулвахап Тимурташ должен считаться умершим. [курсив добавлен] после непризнанного задержания силами безопасности »(см. пункт 86 решения). Таким образом, согласно постановлению, основанием для установления «нарушения» является простая - необоснованная - «презумпция». Я также не согласен с этим заявлением Суда, которое, чтобы оправдать применение статьи 2, ссылается на другие дела Турции. Суд не может утверждать, что бездоказательные утверждения верны, ссылаясь на прецедент, который, будучи простым руководством к толкованию при применении Конвенции, не может «создать» несуществующие события или презумпцию того, что они произошли.

2. Этот вывод совершенно несовместим с принципами, ранее единогласно установленными Комиссией и Судом в идентичном деле Курт против Турции (решение от 25 мая 1998 г., Отчеты о постановлениях и решениях 1998-III). На мой взгляд, произошел серьезный отход от прецедента.

3. Чтобы дифференцировать дело Курта, процитированное выше, большинство - ошибочно, на мой взгляд, - ссылаются на определенные особенности, отличающие настоящее дело от дела Курта и оправдывающие другой вывод, сделанный в этом. Позвольте мне объяснить.

4. «Во-первых, - говорится в настоящем решении Суда, - прошло шесть с половиной лет с момента задержания и задержания Абдулвахапа Тимурташа - период, значительно превышающий четыре с половиной года между задержанием сына заявительницы и решение Суда по делу Курта. Кроме того, - подтверждает Суд, - в то время как Узеира Курта в последний раз видели в окружении солдат в своей деревне, в настоящем деле было установлено, что Абдулвахап Тимурташ был доставлен в место содержания под стражей ... властями, за которые несет ответственность государство. . Наконец, - говорит большинство, - в деле Курта было мало элементов, позволяющих идентифицировать Узеира Курта как человека, находящегося под подозрением властей.

Это искусственные и поверхностные аргументы, утверждения, не подкрепленные фактами, своего рода *trompe-l'œil*. В случае насильственного исчезновения какая разница, шесть с половиной лет или четыре с половиной года?

В деле Курта Суд, как и Комиссия, также пришел к выводу о том, что «... задержание сына заявителя солдатами и деревенской охраной 25 ноября 1993 г.» (процитированное выше решение, с. 1159, § 15, и стр. 1181–82, §106). Должен ли я добавить, что в деле Курта и Комиссия, и Суд постановили, что единственной применимой статьей в данном случае была статья 5 Конвенции (что не было то же самое, что утверждать, что Узеир Курт был фактически арестован и заключен под стражу силы безопасности).

Наконец, расследование Комиссии ясно показало, что Узеир Курт и Абдулвахап Тимурташ были обвинены в сотрудничестве с террористами РПК и разыскивались в этой связи. Когда силы безопасности прибыли в деревню и не обнаружили Узеира Курта среди сельских жителей, собравшихся на площади, они сразу же спросили, где он находится, и арестовали его в доме, где он скрывался (см. Решение по делу Курта, с. 1159, § 15, и с. 1162, § 28).

5. Я повторяю, что настоящее дело неотличимо от дела Курта (в котором, как и в этом случае, не было установлено вне всяких разумных сомнений, что сын заявителя, Узеир Курт, умер в заключении) и не имеет ничего общего с Чакичжи (в котором и Комиссия, и Суд установили, что брат заявителя, Ахмет Чакичи, умер во время содержания под стражей). Вот вывод Комиссии по настоящему делу: «Комиссия считает, что, следовательно, жалобу следует отличать от [акісі]. В обстоятельствах настоящего дела он считает более подходящим следовать подходу, принятому Комиссией и Судом в деле Курт против Турции »(см. Параграфы 278 и последующие из отчета Комиссии; см. Также *Çakıcı v. Турция* [GC] № 23657/94, ECHR 1999-IV, о том же самом).

6. Таким образом, фоном для настоящего решения является отчет Комиссии и решение Суда по делу Курта, а также отчет Комиссии по настоящему делу. Оба эти учреждения единогласно пришли к выводу, что по этим двум делам применима не статья 2 Конвенции, а статья 5.

7. Ввиду их важности для правильного понимания моего особого мнения, я решил полностью воспроизвести соответствующие параграфы решения по делу Курта, процитированного выше, и мнение, выраженное Комиссией по этому делу, которое просто повторяет мое мнение и Решение Суда по делу Курта.

8. В своем решении по делу Курта Суд сказал:

«105. Комиссия пришла к выводу, что в отсутствие каких-либо доказательств судьбы Узеира Курта после его задержания в деревне было бы неуместным делать вывод о том, что он стал жертвой нарушения статьи 2. Она не согласилась с Довод заявительницы о том, что можно сделать вывод, что ее сын был убит, либо из опасного для жизни контекста, который она описала, либо из предполагаемой административной практики исчезновений в государстве-ответчике. По мнению Комиссии, утверждение заявительницы о очевидном насильственном

исчезновении ее сына и предполагаемом неприятии властями разумных мер для его защиты

против рисков для его жизни, связанных с его исчезновением, подпадало под действие статьи 5 Конвенции.

106. Суд прежде всего напоминает, что он согласился с выводами Комиссии в отношении задержания сына заявителя солдатами и деревенскими охранниками 25 ноября 1993 года. Прошло почти четыре с половиной года без информации относительно его последующего содержания, местонахождение или судьба. При таких обстоятельствах опасения заявительницы, что ее сын мог умереть в непризнанной опеке от рук похитителей, не могут считаться необоснованными. Она утверждала, что есть веские основания сделать вывод о том, что он действительно был убит.

107. Однако, как и Комиссия, Суд должен внимательно изучить, действительно ли существуют конкретные доказательства, которые позволили бы ему сделать вывод о том, что ее сын был вне разумных сомнений убит властями либо во время содержания под стражей в деревне, либо последующий этап. Он также отмечает в этом отношении, что в тех случаях, когда было установлено, что Договаривающееся государство имело позитивное обязательство в соответствии со статьей 2 провести эффективное расследование обстоятельств предполагаемого незаконного убийства, совершенного агентами этого государства, существовали конкретные доказательства того, что стрельба со смертельным исходом, которая могла бы задействовать это обязательство (см. вышеупомянутое решение по делу Макканн и другие; и решение по делу Кая против Турции от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I).

108. В этой связи следует отметить, что дело заявительницы полностью основано на презумпциях, выведенных из обстоятельств первоначального содержания ее сына под стражей, подкрепленных более общим анализом предполагаемой официально допустимой практики исчезновений и связанных с ними жестокого обращения и внесудебных убийств задержанных в государстве-ответчике. Суд, со своей стороны, считает, что эти аргументы сами по себе недостаточны, чтобы компенсировать отсутствие более убедительных указаний на то, что ее сын действительно погиб в заключении. Что касается довода заявительницы о том, что существует практика нарушения, среди прочего, статьи 2, Суд считает, что представленные ею доказательства не подтверждают это требование.

109. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд считает, что утверждения заявительницы о том, что государство-ответчик не выполнило свое обязательство по защите жизни ее сына в описанных обстоятельствах, подлежат оценке с точки зрения статьи 5 Конвенции.

9. Вот мнение Комиссии по настоящему делу:

Комиссия допросила

«... является ли такая высокая вероятность [того, что Абдулвахап умер во время непризнанного задержания] достаточной для инициирования применимости статьи 2 в отсутствие конкретных доказательств того, что Абдулвахап фактически лишился жизни или получил известную травму или болезнь».

Это продолжалось:

«В деле *akici v. Turkey* Комиссия действительно пришла к выводу, что статья 2 применима, установив, что «очень высокая вероятность» того, что брат заявителя

Ахмет Чакичи был мертв, возникла в контексте непризнанного задержания и фактов плохого: обращение (указ. соч., § 253).

279. Однако, несмотря на то, что Комиссия не установила, что Ахмет Чакичи был убит, как утверждает Правительство, официально он считался мертвым (указ. Соч., §§ 239 и 253). В данном случае нет официальных утверждений о том, что Абдулвахап Тимурташ предположительно умер. Кроме того, Комиссия приняла показания одного из задержанных Ахмета Чакичи о том, что он видел Ахмета Чакичи в штабе жандармерии провинции Диярбакыр с травмами, что Ахмет Чакичи сказал ему, что его пытали, и что он сам также подвергался пыткам (указ. соч., § 252). Комиссия напоминает, что в настоящем деле она не смогла прийти к выводу, что Абдулвахап Тимурташ подвергался пыткам или жестокому обращению (§ 251).

280. Таким образом, Комиссия считает, что жалобу следует отличать от дела Чакичи. В обстоятельствах настоящего дела он считает более целесообразным следовать подходу, принятому Комиссией и Судом в деле Курт против Турции (указ. Цит.).

281. Суд постановил в этом деле [Курт], что нет необходимости принимать решение по жалобе заявителя на нарушение статьи 2, поскольку не было конкретных доказательств, способных вне разумных сомнений доказывать, что ее сын был убит властями во время содержания под стражей. или на каком-то последующем этапе. Суд также постановил, что

«... в тех случаях, когда было установлено, что Договаривающееся государство имело позитивное обязательство в соответствии со статьей 2 провести эффективное расследование обстоятельств предполагаемого незаконного убийства, совершенного агентами этого государства, существовали конкретные доказательства стрельбы со смертельным исходом которые могут задействовать это обязательство» (указ. соч., § 107).

282. Комиссия отмечает, что настоящее дело [Тимурташ] аналогичным образом не раскрывает таких конкретных доказательств убийства Абдулхапа Тимурташа. Кроме того, он отмечает, что заявитель представил такие же «более общие анализы предполагаемой официально терпимой практики исчезновений и связанного с ними жестокого обращения и внесудебных убийств задержанных в государстве-ответчике», что и те, на которые ссылался Кочери Курт и которые были сочтены Судом недостаточной «для компенсации отсутствия более убедительных доказательств того, что ее сын действительно погиб в заключении» (указ. соч., § 108).

283. Следовательно, Комиссия считает, что утверждения заявителя о неспособности государства защитить его сына от исчезновения подлежат рассмотрению в контексте статьи 5 Конвенции ».

10. Должен я добавить, наконец, что в деле Эртак против Турции та же Палата Суда, которая заседала в этом деле, признала, что дело Курта отличалось от дела Эртака в том смысле, что последнее касалось нарушения статьи 2 в результате смерти сына заявительницы по вине представителей государства (см. *Ertak v. Turkey*, № 20764/92, § 131, ECHR 2000-V). Это равносильно утверждению, что дела Курта и

нынешнее дело схожи и, таким образом, могут отличаться от дела Эртака.

11. В заключение, поскольку не было установлено вне всяких разумных сомнений, что Абдулвахап Тимурташ умер во время содержания под стражей, статья 2 Конвенции не применима в данном случае.

12. В свете вышеупомянутых соображений мне нет необходимости отвечать на вопросы, касающиеся существа дела.

13. Что касается позиции заявителя, в отличие от большинства членов Суда, мне трудно согласиться с тем, что он действительно испытывал страдания, когда, как отец, он не заботился о благополучии своего сына после того, как он ушел из дома и, следовательно, исчез с места происшествия за два года до своего предполагаемого насильственного исчезновения, чтобы присоединиться, по крайней мере, так может показаться, к РПК в Сирии (см. параграфы 23 и 25 решения).

14. Что касается нарушения статьи 13 Конвенции, я ссылаюсь на свое особое мнение по делу Эрги против Турции (решение от 28 июля 1998 г., Reports 1998-IV, p. 1788):

«Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции на том основании, что не было проведено эффективное расследование обстоятельств смерти, на которые была подана жалоба, я считаю, как и Комиссия, что не возникает отдельного вопроса по статье 13, поскольку тот факт, что не было удовлетворительного и эффективного расследования обстоятельств смерти, является основанием для жалоб заявителя как по статье 2, так и по статье 13, в этой связи я ссылаюсь на свое особое мнение по делу Кауа v. Turkey и выраженное мнение, подавляющим большинством Комиссии по данному вопросу (см. Айтекин против Турции, жалоба № 22880/93, 18 сентября 1997 г. ; Эрги против Турции, жалоба № 23818/94, 20 мая 1997 г. ; Яша против Турции, жалоба № 22495/93, 8 апреля 1997 г.) ».

15. Что касается применения статьи 41, я не могу согласиться с тем, что судебные издержки должны быть оплачены на «банковский счет заявителя в Соединенном Королевстве».

Это один из вопросов, возникающих в связи с общим вопросом о возмещении «издержек и расходов». Чтобы мои взгляды на этот предмет можно было правильно понять, я должен сослаться на предыдущие события и разработки по этому предмету. Использование бывшей статьи 50 (теперь статьи 41) в отношении судебных издержек (включая гонорары адвокатов) было предметом полных дебатов в бывшем Суде, поскольку некоторые адвокаты (всегда одни и те же), действовавшие от имени заявителей, неоднократно настаивали на прямой оплате судебных издержек. судебные издержки на счет в иностранном банке и в иностранной валюте. Суд последовательно отклонял такие запросы, за исключением одного или двух дел, в которых он разрешал платеж в иностранной валюте, при условии, что

он был произведен в государстве-ответчике. После обсуждения Суд решил, что судебные издержки должны быть оплачены:

- заявителю,
- в государстве-ответчике, и
- в валюте государства-респондента (если из-за высокого уровня инфляции в страны, сумма выражена в иностранной валюте, она конвертируется в местную валюту на дату платежа).

В соответствии с этим решением все остальные запросы были категорически отклонены. После этого адвокаты заявителей начали требовать, чтобы судебные издержки были оплачены на зарубежные банковские счета заявителей в иностранной валюте, несмотря на то, что заявители были гражданами государства-ответчика и проживали там. Эти просьбы также постоянно отклонялись Судом. Несмотря на множество аналогичных запросов (опять же со стороны тех же юристов), до сих пор не вынесено ни одного решения в их пользу.

16. Разве не удивительно, что практически все заявители, проживающие в небольших деревнях или изолированных деревушках в отдаленных частях юго-восточной Анатолии - люди со скромным достатком - имеют банковские счета в городе другого европейского государства?

17. Тот факт, что у некоторых юристов возникают проблемы со своими клиентами, государство-ответчик не беспокоит. Договоры между юристами и их клиентами являются частно-правовыми и касаются только их; государство-ответчик не должно быть затронуто какими-либо спорами между ними.

18. Я должен добавить, что в соответствии с системой, установленной Конвенцией, Суд не обладает юрисдикцией отдавать приказы Договаривающимся государствам о том, как должны исполняться его решения.

Я считаю, что все платежи в соответствии со статьей 41 должны производиться, как и в прошлом, заявителю в местной валюте и в этой стране.